DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.13

UDC 061.236.61(100)
LBC 66.4(0)

Submitted: 05.09.2017
Accepted: 10.11.2017

ABBOT A. BARRUEL ABOUT THE CAUSES AND ORGANIZERS OF THE FRENCH REVOLUTION

Sergey E. Kiyasov

Saratov National Research State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. The article deal with the version of participation in the events of the French revolution of secret organizations, proposed by Catholic priest and publicist Augustin Barruel. According to the emigrant abbot, who became a witness and participant in the revolutionary processes, those events were organized by the conspirators represented by philosophers-enlighteners, masons and illuminati, who joined after 1789 in the Club of the Jacobins. A. Barruel shared his views in a multivolume work, which was published in London at the very end of the 18th century. The book aroused great interest and was translated into many languages, including Russian. From that moment, a "black legend" was approved in the assessment of the European Masonic movement. This legend explained all the revolutionary events by a destructive "Masonic conspiracy". The author focuses the research on characterizing the real causes that had become the catalyst for the French revolution. In the context of criticism of Barruel's views, the assessments are also given to the evolution of the Masonic movement in France of the 18th century. The author touches upon a very important problem of transformation of national Masonic organizations. This problem is considered in the context of the formation of the structures of the Great East of France. The article notes the close relationship of this structure with the elite and the Royal court. The undertaken analysis is based on the special literature and the original sources, such as *The Constitutions* by James Anderson – the first printed constitution of the premier Grand Lodge of England; *Memoires* by Augustin Barruel.

Key words: Masonry, Masonic conspiracy, Enlightenment philosophy, French revolution, anti-Masonic conception.

Citation. Kiyasov S.E. Abbot A. Barruel about the Causes and Organizers of the French Revolution. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 6, pp. 133-144. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.13

УДК 061.236.61(100)
ББК 66.4(0)

Дата поступления статьи: 05.09.2017
Дата принятия статьи: 10.11.2017

АББАТ О. БАРРЮЭЛЬ О ПРИЧИНАХ И ОРГАНИЗАТОРАХ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сергей Евгеньевич Киясов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет,
г. Саратов, Российская Федерация

© Киясов С.Е., 2017

Аннотация. В статье рассмотрена версия участия в событиях Французской революции тайных организаций, предложенная католическим священником и публицистом Огюстеном Баррюэлем. По утверждению аббата-эмигранта, ставшего свидетелем и участником революционных процессов, они являлись делом рук

заговорщиков в лице философов-просветителей, масонов и иллюминатов, соединившихся после 1789 г. в Клубе якобинцев. Свои взгляды Баррюэль изложил в многотомном сочинении, которое было издано в Лондоне в самом конце XVIII столетия. Книга была встречена с большим интересом и переведена на многие языки, включая русский. С этого момента в оценке истории европейского масонского движения прочно утвердилась «черная легенда», объясняющая все революционные события разрушительным «масонским заговором». Автор сосредоточил свое внимание на характеристике подлинных причин, ставших катализатором Французской революции. В контексте критики взглядов Баррюэля также даны оценки эволюции масонского движения во Франции. Предпринятый научный анализ выстроен на базе специальной литературы и оригинальных источников.

Ключевые слова: масонство, масонский заговор, просветительская философия, Французская революция, антимасонская концепция.

Цитирование. Киясов С. Е. Аббат О. Баррюэль о причинах и организаторах Французской революции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 6. – С. 133–144. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.13

Масонству, адептами которого в современном мире являются миллионы людей [17], исполнилось три столетия. Рождение его нынешней – обновленной и регулярной – организации состоялось 24 июня 1717 года. Именно в день рождества Иоанна Крестителя в Лондоне местные «вольные каменщики» провозгласили создание Великой ложи – первой подобной структуры – в своей древней и мифологизированной летописи. Ее глава, Энтони Сейер, был на год наделен полномочиями Великого мастера [13]. Действуя в рамках утвержденных «Конституций» [21], идеологи обновленного масонства быстро трансформировали камерные собрания немногочисленных европейских интеллектуалов в массовое интернациональное движение. Популярные в масонской среде скрижали древних мистерий были преобразованы в более привлекательные для буржуазного общества догматы просветительской философии. Сохранившийся закрытый характер масонских заседаний, а также громкие призывы, направленные на преодоление церковного влияния, достижение «разумного правления», утверждение принципов «естественного права» и республиканской формы правления максимально приблизили их к политике. Тем самым, общественное мнение в европейских странах, традиционно контролируемое и направляемое нерушимым тандемом Церкви и Государства, получило первые тревожные сигналы об опасности «масонского заговора». Подобные негативные настроения были подкреплены в последней четверти XVIII столетия разоблачениями масштабной конспирации баварского Ордена иллюминатов А. Вейсгаупта [19], событиями «масонской» Североамериканской революции [12] и, в особенности, Французской революцией, захватившей в свой трагический водоворот большинство стран Старого Света. Неудивительно, что с этого момента антимасонская тема приобрела особую актуальность и традиционно собирала под свои знамена множество преданных сторонников. Наиболее ярким выразителем антимасонских настроений, сформировавшихся в Европе в хронологических рамках революционной эпохи, стал французский публицист и эмигрант аббат Огюстен Баррюэль. В рамках XIX столетия его разоблачения, сохранившие актуальность в эпоху социальных революций и приобретшие поистине ортодоксальный характер, активно поддержали Гюстав Бор и Бернар Фэй (Франция). В Новейшее время, изобилующее событиями, которые не менее настоятельно потребовали разоблачения конспирологических тайн «вольных каменщиков», приверженцами антимасонских настроений выступили Стивен Найт (Великобритания), Николас Хаггер (США), Сергей Нилус, Григорий Климов и Олег Платонов (Россия).

Огюстен Баррюэль (1741–1820) родился в провинциальной дворянской семье, на юго-востоке Франции, в городке Вильнев-де-Берг (департамент Ардеш). Уже в юные годы, успешно завершив обучение в колледже Турнона, он решил посвятить свою жизнь служению христианской вере и ее давнему защитнику – Ордену иезуитов. Однако принятое им послушание было прервано в связи с прекращением деятельности Общества Иисуса во Франции. Запрет был провозглашен решением Парижс-

кого парламента (1762) и утвержден рескриптом короля Людовика XV (1764) в целях пресечения избыточного политического влияния иезуитов. В сложившейся ситуации Баррюэль, не желая отрекаться от ранее принесенных обетов, вынужденно покинул страну. Во время своей первой эмиграции, продлившейся десятилетие, он жил в Польше, Моравии, Богемии и в Италии. После окончательного роспуска Ордена иезуитов, осуществленного Климентом XIV (1773), уже немолодой священнослужитель вернулся в пределы Французского королевства из папского Авиньона. После эмиграции он принял сан католического аббата и посвятил себя религиозно-философскому литературному творчеству. В предреволюционный период Баррюэль жил в Париже. В период пребывания в столице, следуя моде и наставлениям друзей, он был принят в масонскую ложу, в которой достиг высокого посвящения в степень Мастера [7, с. 33]. Однако постичь подлинные цели новомодного сообщества Баррюэлю так и не удалось, хотя основополагающим принципом своей деятельности сами братья громогласно провозглашали достижение равенства и свободы. Постепенно, по собственному признанию аббата, у него утвердилось мнение, что главной и тайной целью масонского Братства является война против Христа и власти всех монархов [7, с. 34].

Начало и ход Великой революции, которую Баррюэль рассматривал в качестве божьей кары французскому народу за его прегрешения, быстро подтвердили его подозрения относительно закулисных, весьма разрушительных усилий масонов и других тайных политических обществ. Большую роль в формировании антимасонских взглядов Баррюэля сыграли разоблачительные сочинения его соотечественника, аббата Жана Франсуа Лефранка [8, с. 47], утверждения, почерпнутые им из трактата своего друга, английского философа Эдмунда Берка [3], а также у профессора философии Эдинбургского университета Джона Робинсона [20].

В 1792 г., после падения монархии во Франции и провозглашения республики, Баррюэль эмигрировал в Англию, откуда вернулся лишь спустя десятилетие, в период Консульства. Оказавшись за Ла-Маншем, аббат, принимавший активное участие в деятельности эмигрантской среды, сумел завершить написание своего главного литературного шедевра – «Мемуаров по истории якобинизма» [10]. Сочинение французского священника-эмигранта оказалось чрезвычайно востребованным и получило широкую известность в Старом и Новом Свете. В частности, ставший популярным антимасонский бестселлер Баррюэля был переведен и дважды издан в России, также захваченной «вольтерьянством» и масонской модой [1; 2]. Не вдаваясь в детали предложенной Баррюэлем трактовки революционных событий, подробно и критично прокомментированной многими специалистами [8, с. 45–69], выделим ее главные пункты. По мнению убежденного критика революции, основной причиной и катализатором переворота во Франции стало существование длительного «тройного заговора», в котором принимали участие не только философы-просветители и масоны, но также иллюминаты [11]. Помимо этого, Баррюэль утверждал, что коалиция разоблачаемых им деструктивных сил создала общество якобинцев, что довершило разрушение вполне жизнеспособного французского государства [1, с. 24–26; 10].

Версия, отстаиваемая французским эмигрантом-контрреволюционером, достаточно уязвима, но отнюдь не беспочвенна, поскольку масонские ложи в предреволюционной Франции были достаточно многочисленны и, несомненно, обладали большим общественным влиянием. Этот факт признают и масонские историки [14; 16]. Существуют и более современные доказательства политической ангажированности масонских структур. В качестве примера сошлемся на события недавней отечественной истории. Так, революция 1917 г., приведшая к гибели Российскую империю, по признанию специалистов, неотделима от политических комбинаций с участием национальных масонских структур [6]. Столь яркие и убедительные событийные параллели увеличивают значение обличительных утверждений Баррюэля. Вместе с тем попытка оценить степень их достоверности с научной точки зрения обязывает исследователя обратиться к контексту политических событий и умонастроений предреволюционной Франции. Такой экскурс поможет также дать более аргументированный ответ на обвинения, сфор-

мулированные Баррюэлем. С учетом сказанного, безусловно, нуждаются в пояснениях и комментариях следующие вопросы: каким образом шло развитие французского масонства накануне падения «старого порядка»? Возможен ли был «масонский заговор» во Франции? Каков был итоговый результат масонских усилий в битве за власть?

Первая французская регулярная масонская ложа появилась в 1721 г., в Дюнкерке. Позднее, в 1735 г., подобные ложи были открыты в Париже, а затем – в Лионе, Руане, Нанте, Авиньоне, Тулузе и Бордо. В 1728 г. была основана Великая ложа Франции, которой вначале руководили английские и шотландские масоны-якобиты, являвшиеся сторонниками династии Стюартов: Ф. Уортон, Дж. Маклин, Ч. Рэдклиф. В 1738 г. французскую «материнскую» ложу впервые возглавил представитель национальной аристократии – Луи де Пардайан де Гондрен, герцог д'Антен. В 1743 г. ее Великим мастером был избран «принц крови» Луи де Бурбон-Конде, граф Клермонский [18, p. 72–74]. Сама национальная масонская структура получила новое название – «Великая Английская ложа Франции» [5, с. 267]. В 1773 г., в условиях углубляющегося кризиса «старого порядка», был образован унифицированный масонский центр Франции – Великий Восток, который возглавил Луи Филипп, герцог Шартрский (будущий герцог Орлеанский) [18, p. 76].

Накануне революции французские масоны в массе своей являлись сторонниками идей Просвещения, открыто заявляя о своей оппозиции церкви и монархии. Большой известностью в их среде пользовались философы-просветители, сами являвшиеся масонами: Ш.Л. Монтескье, Ф.М. Вольтер, Ж.А. Кондорсе, С. Мерсье, С. Марешаль. Помимо увлечения радикально-просветительскими взглядами, французские «вольные каменщики» испытывали влияние со стороны представителей мистической философии и «старого» масонства – Л.К. Сен-Мартена, М. де Паскалли. Неудивительно, что многие лидеры начавшейся в июле 1789 г. революции оказались членами Братства (Г. Мирабо, П. Лафайет, Ж. Бриссо, Ж.П. Марат). Однако, следует подчеркнуть, что принадлежность революционеров к влиятельному тайному обществу не помогла им добиться единомыслия в сфере политики. Более того, в период якобинской диктатуры (1793–1794) масонские ложи даже подвергались преследованию со стороны властей как места собраний аристократов и контрреволюционеров. Многие французские масоны были арестованы в период Большого террора, а их лидер – герцог Орлеанский, принявший имя Филиппа Эгалите, – отправлен на гильотину. По мнению современных исследователей, роль масонов как организаторов и вдохновителей Французской революции сильно преувеличена [14; 16]. Позднее, в империи Наполеона I Бонапарта, масоны были реабилитированы и даже пополнили ряды правящей элиты (маршалы, префекты, сенаторы, министры). В структурах подконтрольного «имперского» масонства (реабилитированный и восстановленный Великий Восток Франции) находились также ближайшие родственники самого Наполеона. Важно подчеркнуть, что масонские традиции сохранили и французские эмигрантские круги. Например, граф Прованский, будущий король Франции Людовик XVIII, являлся практикующим «вольным каменщиком».

Нет сомнений, масонское движение предреволюционной Франции идейно вдохновлялось и направлялось просветительской философией. Итог бурных дискуссий, ведущихся внутри масонских структур, – это сформированное ими общественное мнение, враждебное по отношению к правящей династии, официальной идеологии и церковным институтам. Целенаправленная идейно-политическая ориентация Братства во многом способствовала разрушению института абсолютистской монархии и приближала падение «старого порядка» во Франции. Однако признавая дестабилизирующее влияние французских «вольных каменщиков» предреволюционной эпохи, все-таки было бы несправедливостью говорить об их решающей роли в состоявшихся политических событиях. Точно так же, как их американские собратья, французские масоны вполне осознанно участвовали в подготовке политического переворота, но не в качестве конспираторов-заговорщиков, а как легальные, идейные оппозиционеры [5, с. 316]. Важно подчеркнуть, что ставку на предварительную и тайную подготовку будущего политического переворота европейские революционеры стали делать лишь с начала XIX столетия. По новым стандартам осуществления по-

литических действий, организаторами грядущих революционных баталий должны были являться наиболее образованные и честные люди, хорошо знакомые не только с нравственными законами, но также – с принципами конспирации. Поворот в умонастроениях наследников Просвещения, состоявшийся post factum, вновь подтверждает несостоятельность утверждений о возможности подготовки масштабного «заговора» иллюминатов и масонов в дореволюционной Франции. Тем не менее их деятельность заслуживает особого внимания, поскольку ложи «вольных каменщиков» являлись наиболее многочисленными и влиятельными из всех прочих интеллектуальных оппозиционных центров агонизирующего королевства.

В последней четверти XVIII столетия наиболее влиятельной масонской структурой Франции являлся Великий Восток, в руководстве которого преобладали представители правящей династии и близкие ко двору аристократы [5, с. 316]. Разумеется, в провинциальных ложах преобладали не столь именитые люди. Отметим здесь присутствие мелких дворян, буржуа, торговцев, священников и военных. Особой активностью выделялись представители «свободных профессий»: литераторы, адвокаты, художники, врачи. Важно подчеркнуть, что считанные годы спустя все они пополнили ряды революционного «третьего сословия» [5, с. 316].

Наиболее заметную роль в масонском движении предреволюционной Франции играли столичные собрания, ставшие эпицентром сосредоточения интеллектуалов-просветителей. На их заседаниях обсуждались наиболее злободневные темы, имеющие отношение к политике, религии и другим сторонам общественной жизни. Особой активностью отличались такие масонские центры Парижа, как ложа «Девяти сестер» и «Олимпийское общество» [5, с. 270–272]. Все они активно формировали новое мировоззрение, нацелившее французов на осуществление мирных, но радикальных по содержанию перемен в абсолютистском государстве. По мнению масонов-идеологов, роль которых во Франции, как правило, исполняли философы-просветители, реформы должны были состояться под лозунгом соблюдения «естественных прав» человека. Поскольку такие преобразования отражали чаяния большинства суверенной нации, их вдохновители надеялись на исключительно благоприятное развитие событий, в том числе и на сотрудничество короля, в котором они впервые увидели и признали монарха-гражданина [5, с. 317]. Подобная деятельность, несмотря на свой дестабилизирующий характер, по определению не может быть признана исключительно тайной и заговорщической [5, с. 317]. Напротив, она носила открытый для властей характер, хотя, по понятным причинам, не могла быть ими санкционированной. Таким образом, противоборствующие стороны – реформистская и консервативная – действовали вполне цивилизованно, признавая друг друга «по умолчанию». В такой ситуации инициативы и действия «видимой» оппозиции трудно позиционировать в качестве сугубо политических, поскольку участники масонских собраний, руководствуясь этическими соображениями, обычно лишь констатировали свои расхождения с принципами, которыми руководствовалась правящая элита. Во всяком случае, усилия масонского Братства никогда не выходили за рамки действующих законов и обычно сопровождались вполне предсказуемыми инициативами, наподобие составления знаменитых наказов депутатам последних Генеральных штатов [5, с. 317]. Важно особо подчеркнуть, что ожидание революционных перемен во Франции подкреплялось перманентным кризисом монархии, а распространение масонского движения, на опасности действий которого настаивал О. Баррюэль, явилось не причиной, а скорее следствием тех вполне объективных кризисных процессов, которыми уже была захвачена вся страна [5, с. 317]. Неудивительно, что численность «вольных каменщиков» здесь неуклонно и быстро возрастала. Накануне революции во французских ложах насчитывалось около сорока тысяч человек, четверть из которых была сосредоточена в Париже [17, p. 25].

Не менее важной причиной широкого распространения масонства во Франции стали новые веяния городской культуры [9]. Они способствовали «запуску» социального механизма, возбуждавшего всеобщее тяготение к гражданскому равноправию и консолидации оппозиционного «третьего сословия». Участниками движения «вольных каменщиков» все чаще становились представители именно этого бесправного и притесняемого страта. Развитие подобных тенденций свидетельствовало о достаточно

высоком уровне самосознания французов, а также о внутренней готовности «малого народа» к грядущим революционным переменам [5, с. 319]. Большую роль сыграла открытость и доступность масонского сообщества по сравнению с другими, порой излишне рафинированными интеллектуальными объединениями «старой» Франции (салоны, клубы, музеи) [5, с. 318]. В конечном итоге к участию в работе масонских лож людей стала привлекать не мода, не перспективы карьерного роста, и даже не мистический шарм тайных собраний [5, с. 319]. Как отмечают специалисты, главным для них становилось приобщение к особому «демократическому анклаву» [9, с. 178]. В его пределах подданные французского короля могли полноценно обсуждать смысл происходящих и намечаемых событий [5, с. 318]. Подобные эмоции испытывали посетители демократических собраний, в том числе масонских лож, накануне революции в Северной Америке. На этих «дискуссионных площадках» также много говорили о политике, о накопившихся несправедливостях текущей жизни [4, с. 70]. Накануне революции во Франции, наряду с распространением книг, альманахов, научных журналов и газет просветительского характера, масонские ложи, как и другие собрания вольнодумцев, должны были способствовать, по словам масона Ш. Монтескье, «подготовке умов к введению лучших законов» [5, с. 319].

В данном контексте особый интерес представляет сопоставление просветительских идей, которые революционизировали Францию, и собственных устремлений масонского братства. Такой анализ поможет расставить некоторые важные акценты в предпринятой реконструкции масонского мировоззрения и масонской конспирации. Он также прояснит причины краха тех этических принципов, вооружившись которыми французские «вольные каменщики» позднее оказались участниками реального политического действия [5, с. 319].

Хорошо известно, что охраняя сложившуюся феодально-сословную государственную систему, французский абсолютизм активно препятствовал свободному развитию общественной мысли [5, с. 319]. Однако не всех ее представителей удалось подчинить своему влиянию и жесткой цензуре. В первую очередь это касалось идейного влияния из-за рубежа. Французская революция была во многом подготовлена политическими теориями, которые были взращены в соседней Англии, а позднее реализованы в ее американских колониях. В то же время внешние факторы влияния были тесно совмещены с политической и духовной атмосферой «уходящей» старой Франции. Так, противниками абсолютной монархии задолго до Просвещения являлись Декарт, Бейль, Мальбранш, Гассенди, Корнель, Буало, Расин [5, с. 319]. Однако первых оппозиционеров во многом сдерживало осознание текущей незыблемости доминирующих в стране религиозных и монархических воззрений [5, с. 319]. Не следует сбрасывать со счетов и угрозу репрессий. Так, молодой французский дворянин (Ф. де Ла Барр) был казнен в 1766 г. за безбожие и вольномыслие, доказательством которого стал обнаруженный у него томик сочинений Вольтера [5, с. 319]. Однако во второй половине века Просвещения идеалы светского, а также религиозного деспотизма были окончательно опровергнуты естественнонаучными взглядами на мир. Захвативший французское общество идейный кризис активно поддержал новый класс собственников – буржуазия, которая громогласно и безбоязненно потребовала от власти признания не только своих имущественных, но также гражданских, политических и конфессиональных прав [5, с. 320].

Наряду с позитивными результатами, которые в будущем обеспечили опережающее развитие Западной цивилизации, комплексу идей эпохи Просвещения присущ ряд фундаментальных, крайне опасных заблуждений и противоречий. Именно они способствовали трагическому развитию Французской революции, вожди которой попытались на практике реализовать комплекс во многом надуманных теоретических наработок. В их числе две утопические идеи, которые отражали уровень тогдашнего политического мышления. Во-первых, это представление о возможности рационализации повседневного поведения человека. В основе данного постулата, как отмечают исследователи, лежит идея английского философа Джона Локка (1632–1704) о совершенствовании человека, руководствующегося в своей обыденной жизни врожденным разумом и находящегося под благотворным влиянием окружающей среды. Во-вторых, сле-

дует упомянуть о гипертрофированной пропаганде концепции «естественного права», утверждающей, что каждому человеку имманентно присуще некое разумное начало. Специфика данного умозаключения заключена в его отличии от теологической интерпретации человека как носителя первородного греха. При этом озвученное умозаключение о том, что существует возможность совершенствования или перевоспитания «социального» человека при помощи политики, неизбежно подводила к выводу о необходимости отделения церкви от государства [5, с. 323]. Сразу же оговоримся, что столь радикальные шаги удалось воплотить в жизнь лишь по итогам Американской революции конца XVIII столетия. Во Франции попытка их реализации оказалась неудачной и состоялась лишь в начале XX столетия, во времена Третьей республики. Другим, не менее радикальным, деянием революционной эпохи стала политика «доктринальной деспотии» [5, с. 323]. Во имя идеального Разума, олицетворением которого стало французское революционное государство, были отвергнуты и созданы заново обычаи, праздники, церемонии, одежда и даже календарь. В целях достижения будущего счастья и процветания абстрактного, универсального человечества французские якобинцы развязали массовый террор и первую в истории тотальную революционную войну. При этом никто из участников «революционного очищения» не обращал внимания на то обстоятельство, что обилие сопровождающих их политику жестокостей явно выбивалось из контекста предсказанной их учителями-интеллектуалами такой общественной жизни, которая основывалась на торжестве разума, добродетели и абсолютной свободы суждения [5, с. 323].

В целом следует констатировать отсутствие у философов-просветителей, а также в среде их последователей – масонов серьезной программы реальных политических действий. Как следствие, начало революции застало врасплох не только короля, но и непримиримых критиков абсолютной монархии. О тяжелых последствиях внезапно свершившихся ожиданий свидетельствует рождение очередных революционных утопических проектов бывших оппозиционеров, получивших, наконец, доступ к реальной власти. Один из них – Земледельческое общество, или Общество друзей вождя жирондистов и масона Жака Пьера Бриссо (1790). Главной целью этой альтруистской организации провозглашалось духовное возрождение человека, посвятившего себя земледелию. Не менее важной задачей являлось сельское воспитание, по итогам которого участники должны были обрести представления о наиболее чистой морали и простейших религиозных истинах [5, с. 324]. В будущем, после того как Общество окрепнет, организаторы планировали, что его опыт станет достоянием всей Франции. Как и в масонской ложе, адепты Общества друзей должны были пройти проверку и подписать основные статьи, касающиеся религиозных, а также политических убеждений. По своим финансовым возможностям новые «земледельцы», как в регулярной ложе, распределялись на три класса [5, с. 324]. Такую же отдаленность от реалий политики продемонстрировал еще один масон и просветитель – Пьер Сильвен Марешаль. «Революция началась благодаря влиянию хороших книг, – утверждал он, – нужно, чтобы она завершилась при помощи столь же полезных газет» [15, p. 52–53]. Полную несостоятельность являли собой политические усилия последнего энциклопедиста Франции, масона Жана Антуана Кондорсе [5, с. 324].

Несмотря на очевидную иллюзорность и даже утопичность своих политических предпочтений, масоны всерьез полагали, что реорганизация «старого порядка» продлится недолго, в худшем случае – не более года. Таким образом, реалии Французской революции не только не приблизили, а скорее разрушили мечту о «золотом веке» и «царстве добродетели», которую вынашивали многие поколения европейских гуманистов и просветителей, уповавших на разум и добронравие «перевоспитанного», просвещенного гражданина. С учетом современного состояния дел можно констатировать итоговую неудачу многовековых попыток, направленных на «исправление» несовершенного мира, а также на воспитание «идеального» или «божественного» человека. Нетрудно заметить, что фиаско потерпели обе конкурирующие методики – и религиозная, и светская [5, с. 324].

Как уже было отмечено выше, непосредственным толчком к революционному брожению и политическому взрыву во Франции послужили неудачи в области социальных, эко-

номических и политических реформ, которые непоследовательно и без должной оперативности, пытались осуществить король и его министры. Таким образом, можно констатировать, что решающими причинами дестабилизации во Франции прежде всего стали обострение финансового кризиса и падение жизненного уровня. Все это дополнили такие дополнительные «раздражители», как злоупотребления высшей знати и рецидивы голода [5, с. 325]. Непосредственным началом событий Французской революции, с полным на то основанием, можно считать выборы в Генеральные Штаты, состоявшиеся после январского (1789) указа короля. Они окончательно дестабилизировали внутриполитическую ситуацию в стране, сделав неизбежным «июльский кризис» (падение Бастилии), хотя и носили вынужденный характер. Людовик XVI находился в безвыходной ситуации, поскольку нуждался в экстренной финансовой поддержке со стороны платежеспособной части населения. Однако его надеждам на внутринациональное примирение не суждено было сбыться. Как известно, открывший свои заседания совещательный орган быстро превратился в Национальное собрание, в новый революционный парламент, объединивший противников абсолютной власти короля. Политические единомышленники сумели преодолеть разделявшие их сословные рамки. Епископ Шарль Морис Талейран, маркиз Жан Поль Лафайет, ремесленник Андре Амар – все они в самый ответственный момент, когда судьба отечества зависела от их личного мужества и солидарности, почувствовали себя гражданами единой, стремительно обновляющейся Франции [5, с. 325–326]. Однако в условиях политического хаоса, наступившего после начала революции, столь разношерстная оппозиция не могла сохранять солидарность бесконечно долго. У каждой из будущих революционных партий, которые лишь временно выступали единым фронтом, сформировались собственные программы, отражавшие их грядущие политические интересы. Чисто формально они опирались на фундаментальные и универсальные мировоззренческие ценности, которые были не единожды провозглашены лучшими представителями национальной и европейской просветительской общественно-политической мысли [5, с. 326]. Это создавало иллюзию, что участники революционных событий во Франции вступили на хорошо подготовленное поле боя, на котором намеревались легко добиться осуществления идеалов свободы, равенства и братства. Однако на практике сражение оказалось слишком долгим и кровопролитным. В итоге революционеры-идеалисты (ранее братья-масоны), обретая реальные цели, вынужденно сражались друг с другом, зачастую выступая более опасными противниками, чем доморощенные роялисты и заграничные монархи. И все же позитивный итоговый результат был обретен. Спустя десятилетие после краха абсолютизма французы окончательно сплотились как граждане единого и суверенного Отечества. На наш взгляд, именно в этом заключался главный результат идейной подготовки французского общества к революционным переменам, которые, как оказалось, не были связаны только лишь с ликвидацией института монархии и преодолением господства религиозных идей [5, с. 326].

Итак, факт наличия в предреволюционной Франции идейной оппозиции, важным компонентом которой были масоны, неоспорим. Но был ли это масонский заговор? Скорее всего, нет, поскольку ничто в деятельности первого поколения французских революционных демократов не свидетельствовало о планомерной и тайной подготовке к свержению монархического режима. Главной причиной трагедии Франции, вовлеченной в «смуту» революции, стала неспособность правящих структур откликнуться на призыв легальной оппозиции к диалогу о судьбах страны. Самоизоляция власти, которая во все времена является одной из главных причин ее падения, привела во Франции к спонтанному и массовому взрыву, спровоцированному поистине тотальным недовольством народа. В дальнейшем события развивались во многом бессистемно, что также доказывает отсутствие заранее спланированного масонского заговора. Нет сомнений, что суровые приговоры Людовику Капету и Марии-Антуанетте Австрийской явились результатом их собственных ошибочных действий, а не следствием чьих-либо злонамеренных козней, а тем более мести масонов [5, с. 333]. Наконец, не следует преувеличивать и демократическую составляю-

щую Французской революции, якобы обеспеченной масонской и просветительской пропагандой. Народ, который усилиями вольнодумцев получил право на восстание, использовал эту возможность весьма своекорыстно. Как показали события, он не собирался придерживаться в своих действиях неких абстрактных добродетельных правил. Слабоуправляемый поток революционного хаоса потребовал практических действий новых вождей. Персоны Мирабо, Дантона, Марата и Робеспьера, несмотря на их эпигонский характер по отношению к заветам великих просветителей, предстают перед нами в качестве политиков-прагматиков. В условиях революционной стихии и беспринципной борьбы за власть эти люди быстро и навсегда расстались с такими условными категориями, как истина, справедливость, добродетель, равенство, «естественные права», «общественный договор». Их главной задачей являлось скорейшее, во многом инстинктивное определение тех политических путей, которые помогли бы им элементарно выжить и сохранить обретенную власть [5, с. 333]. Во многом под влиянием чрезвычайных обстоятельств и страха за свою будущность ими были созданы основы нового французского государства-республики, в силуэтах которого весьма условно, контурно проглядывали идиллические картины «царства Разума». Пожалуй, главным фактором, определяющим действия революционного правительства якобинцев, были не идеалы, а фанатизм, страсть к власти и наживе. Народ, лишь представляемый в качестве главного «заказчика» тогдашних политических баталий, был быстро выведен из политической игры. Он либо безмолвствовал, либо шумно ликовал, присутствуя на политических казнях [5, с. 333–334].

Сами действия масонских структур в годы Французской революции являли собой образец пассивной наивности. Разрозненные масонские организации страны, несмотря на экстремальную ситуацию, оставались разобщенными и не сумели объединиться. Как свидетельствуют факты, лидеры таких влиятельных масонских центров, как Великий Восток Франции, Великая ложа, Исправленный Шотландский Обряд, не усилили, а даже утратили реальный контроль над собственными ложами [14, vol. 1, p. 341–360]. Серьезный разлад наблюдался даже в структурах могущественного Великого Востока, лидер которого, герцог Орлеанский, в феврале 1793 г. публично объявил о своей отставке [14, vol. 1, p. 337–338]. Таким образом, не сила и сплоченность, а – напротив – слабость и уныние охватили масонские организации новой, революционной Франции. Это привело к тому, что политическая сфера окончательно вышла из-под контроля лидеров движения. Подлинные вожди Великой революции – О.Г. де Мирабо и М. де Робеспьер не были ни масонами, ни просветителями. Что же касается «вольных каменщиков» Лафайета, Бриссо, Дантона и даже «Друга народа» Марата, то принадлежность этих людей к дореволюционным масонским ложам лишь оттеняет разобщенность Братства, а не подтверждает его тайные намерения [5, с. 334].

Хаотичное развитие революционных событий свидетельствует об отсутствии во Франции какого бы то ни было единого подрывного центра. «Взрыв» июля 1789 г. носил стихийный характер, хотя и был подготовлен в умах французов. Однако содержание новых революционных идей, которые, в свою очередь, подпали под влияние конкретных политических, социальных, и экономических факторов, раскрылось только в ходе многоэтапного и столь же непредсказуемого политического действа [5, с. 335–336].

Французские масоны накануне и в период революции выступали в качестве противников абсолютизма и поборников либеральных реформ. В этом направлении их подталкивали вовсе не сформированные заранее тайные политические программы, а сам дух их уставных документов, в которых отрицались сословные, расовые и религиозно-политические различия между людьми [21, p. 49–57]. Французская революция привела к колоссальному разбросу мнений в среде «вольных каменщиков», поскольку главный противник – абсолютизм – был быстро повержен, а дальнейшее развитие событий вовлекло их в ожесточенную политическую борьбу, главной целью которой было отнюдь не создание демократического политического строя и государства [5, с. 336]. Как итог, уставные принципы масонской организации, опиравшиеся на морально-этические установления, не могли заменить собой партийных лозунгов. Объективные обстоятельства делали внесоци-

альную консолидацию, на которой продолжали настаивать масонские лидеры, бессмысленной. Реалии и законы политической борьбы привели движение «вольных каменщиков» революционной Франции к полному упадку [5, с. 336]. К 1794 г. работа в столичных и провинциальных ложах замерла и оказалась фактически под запретом [14, vol. 1, p. 338].

Таким образом, рассуждения и выводы Огюстена Баррюэля, разоблачающие заговорщические деяния масонов-конспираторов революционной эпохи во Франции, несмотря на их несомненную оригинальность и живость изложения, представляются в наши дни излишне субъективными. Их главный недостаток – отказ от рассмотрения более широкого спектра сопутствующих проблем, что, несомненно, помогло бы автору явить на суд потомков более аргументированную и беспристрастную версию минувших трагических событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Баррюэль, О.] Вольтерианцы, или История о якобинцах, открывающая все противу Христианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все Европейские Державы : С французского последнего исправленного и вновь умноженного издания : в 12 ч. : пер. с фр. / [О. Баррюэль]. – М. : В губернской типографии у А. Решетникова, 1805–1809.

2. [Баррюэль, О.] Записки о якобинцах, открывающие все противу христианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все Европейские державы : в 6 ч. : пер. с фр. / [О. Баррюэль]. – М. : В Университетской типографии, 1806.

3. Берк, Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне относительно этого события : пер. с англ. / Э. Берк. – М. : Рудомино, 1993. – 143 с.

4. Джефферсон, Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния : пер. с англ. / Т. Джефферсон. – М. : Наука, 1990. – 314 с.

5. Киясов, С. Е. Масонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус) / С. Е. Киясов. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. – 398 с.

6. Николаевский, Б. И. Русские масоны и революция / Б. И. Николаевский. – М. : Терра, 1990. – 99 с.

7. Уайт, А. Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории : пер. с англ. / А. Э.Уайт. – СПб. : Лань, 2003. – 480 с.

8. Чудинов, А. В. Масоны и французская революция XVIII в.: дискуссия длинною в два столетия / А. В. Чудинов // Новая и новейшая история. – 1999. – № 1. – С. 45–69.

9. Шартье, Р. Культурные истоки французской революции : пер. с фр. / Р. Шартье. – М.: Издат. дом «Искусство», 2001. – 256 с.

10. Barruel, A. Memoires pour servir a l'histoire du jacobinisme. T. 1–4 / A. Barruel. – L. : Kenning, 1797–1798.

11. Barruel, A. Des illuminés de Bavière / A. Barruel. – P. : Éditions du Prieuré, 1999. – 312 p.

12. Bullock, S. C. Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730–1840 / S. C. Bullock. – Chapel Hill and L. : University of North Carolina Press, 1996. – 421 p.

13. Calvert, A. F. The Grand Lodge of England /A. F. Calvert. – L. : Herbert Jenkins Limited, 1917. – 412 p.

14. Chevallier, P. Histoire de la Franc-Maçonnerie française. Vol. 1–3 / P. Chevallier. – P. : Fayard, 1974–1975.

15. Le Tonneau de Diogène ou les Révolutions du Clergé. – 1790. – № 1–33. – № 7. – P. 52–53.

16. Martin, G. La Franc-Maconnerie française et la préparation de la Révolution / G. Martin. – P. : PUF, 1926. – 294 p.

17. Mary, R. L. La Franc-Maçonnerie dans le monde / R. Mary. – P. : Éditions de Vecchi, 1993. – 143 p.

18. Naudon, P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie / P. Naudon. – P. : Office du Livre, 1987. – 251 p.

19. Reinalter, H. Der illuminatenorden: (1776–1785/87). Ein politischer Geheimbund der Aufklärungszeit / H. Reinalter // Schriftenreihe der Internationalen Forschungsstelle Demokratische Bewegungen in Mitteleuropa 1770–1850 / herausgegeben von Helmut Reinalter. – Band 24. – Frankfurt am Main : P. Lang, 1997. – S. 195–205.

20. Robinson, J. Proofs of a conspiracy / J. Robinson. – Edinburgh : W. Cresch, 1798. – 587 p.

21. The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. – L. : Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's Church, in Fleet-street, 1723. – 91 p.

REFERENCES

1. Barrüjel O. *Volteriantsy ili istoriya o yakobintsakh, otkryvayushchaya vse protivu*

Khristianskie zloumyshleniya i tainstva masonskikh lozh, imeyushchikh vliyanie na vse Evropeyskie Derzhavy. S frantsuzskogo poslednego ispravlennogo i vnov umnozhennogo izdaniya: v 12 ch. [Voltaireans, or the Story of the Jacobins Revealing all the Opposing Christian Misconceptions and Sacraments of Masonic Lodges that Have Influence on all European States. From the French Last Revised and Again Multiplied Edition: in 12 Parts]. Moscow, Gubernskaya tipografiya A. Reshetnikova, 1805-1809.

2. Barrüjel O. *Zapiski o yakobintsakh, otkryvayushchie vse prtivu khristianskie zloumyshleniya i tainstva masonskikh lozh, imeyushchikh vliyanie na vse Evropeyskie derzhavy: v 6 ch.* [Notes on the Jacobins, Revealing All the Antics of Christian Misconceptions and Sacraments of Masonic Lodges that Have Influence on all European States: in 6 vols.]. Moscow, V Universitetskoy tipografii, 1806.

3. Byork Ä. *Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii i zasedaniyakh nekotorykh obshchestv v Londone otnositelno etogo sobytiya* [Reflections on the Revolution in France and Meetings of some Societies in London Concerning This Event]. Moscow, Rudomino Publ., 1993. 143 p.

4. Dzhefferson T. *Avtobiografiya. Zametki o shtate Virginiya* [Autobiography. Notes about the State Virginia]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 314 p.

5. Kiyasov S.E. *Masonstvo v epokhu Prosveshcheniya (genezis, ideologiya, evolyutsiya, status)* [Masonry in the Age of Enlightenment (Genesis, Ideology, Evolution, Status)]. Saint Petersburg, Fakultet filologii i iskusstv SPbGU, 2010. 398 p.

6. Nikolaevskiy B.I. *Russkie masony i revolyutsiya* [Russian Masons and Revolution]. Moscow, Terra Publ., 1990. 99 p.

7. Uajt A.Ä. *Novaya entsiklopediya masonstva (velikogo iskusstva kamenshchikov) i rodstvennykh tainstv: ikh ritualov, literatury i istorii* [New Enciclopedia of Masonry (the Great Art of Masons) and Related Mysteries: Their Rituals, Literature and History)]. Saint Petersburg, Lan Publ., 2003. 480 p.

8. Chudinov A.V. Masony i frantsuzskaya revolyutsiya XVIII v.: diskussiya dlinnoyu v dva stoletiya [Masons and the French Revolution of the 18th Century: Debate that Lasts Two Centuries]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and Recent History], 1999, no. 1, pp. 45-69.

9. Shartye R. *Kulturnye istoki frantsuzskoy revolyutsii* [Cultural Sources of the French Revolution]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2001. 256 p.

10. Barruel A. *Memoires pour servir a l'histoire du jacobinisme. T. 1-4* [Memoirs on the History of Jacobinism]. Leningrad, Kenning, 1797-1798.

11. Barruel A. *Des illuminés de Baviure* [Bavarian Illuminati]. Paris, Éditions de Prieuré, 1999. 312 p.

12. Bullock S.C. *Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730-1840*. Chapel Hill and L., University of North Carolina Press, 1996. 421 p.

13. Calvert A.F. *The Grand Lodge of England*. L., Herbert Jenkins Limited, 1917. 412 p.

14. Chevallier P. *Histoire de la Franc-Maçonnerie française. T. 1-3* [History of French Freemasonry]. P., Fayard, 1974–1975.

15. *Le Tonneau de Diogune ou les Révolutions du Clergé* [A Barrel of Diogenes or Priest's Revolution], 1790, no. 1-33, pp. 52-53.

16. Martin G. *La Franc-Maconnerie française et la préparation de la Révolution* [French Freemasonry and the Preparation of a Revolution]. P., PUF, 1926. 294 p.

17. Mary R.L. *La Franc-Maçonnerie dans le monde* [Freemasonry in the World]. P., Éditions de Vecchi, 1993. 143 p.

18. Naudon P. *Histoire général de la Franc-Maçonnerie* [General History of Freemasonry]. P., Office du Livre, 1987. 251 p.

19. Reinalter H. Der illuminatenorden: (1776–1785/87). Ein politischer Geheimbund der Aufklärungszeit [Order of the Illuminati. Political Brotherhood of the Era of Enlightenment]. *Schriftenreihe der Internationalen Forschungsstelle Demokratische Bewegungen in Mitteleuropa 1770–1850* [Notes on the International Study of the Democratic Movement in Central Europe 1770-1850]. Herausgegeben von Helmut Reinalter. Band 24. Frankfurt am Main, P. Lang, 1997. 418 p.

20. Robinson J. *Proofs of Conspiracy*. Edinburgh, W. Cresch, 1798. 587 p.

21. *The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges*. L., Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's Church, in Fleet-street, 1723. 91 p.

Information about the Author

Sergey E. Kiyasov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of World History, Saratov National Research State University, Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation, sergeykiyasov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7474-8105

Информация об авторе

Сергей Евгеньевич Киясов, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, sergeykiyasov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7474-8105